

Первоначальной истории культа св. Леонтия, епископа Ростовского, касались многие исследователи XIX-XX вв.¹ Однако не все ее стороны раскрыты ими с необходимой полнотой.

Начало становления культа епископа Леонтия описано только в его Житии. Согласно данному тексту, после того, как сгорел деревянный ростовский Успенский собор, князь Андрей Боголюбский (1157-1174) повелел создать каменную соборную церковь во имя пресвятой Богородицы на месте сгоревшего одноименного храма. Во время копания рвов для его фундаментов было обнаружено «множество мертвых», и в том числе останки Исаии, епископа Ростовского. Далее выяснилось, что эта церковь «мала основана». Тогда «людье» стали «молитесь князю», чтобы он повелел заложить церковь бльших размеров. Просьба была исполнена. Автор Жития усмотрел в решении увеличить размеры храма божий промысел. Именно при рытье рвов для фундаментов этого большего по размерам собора и были найдены мощи епископа Леонтия. О случившемся сообщили князю Андрею Боголюбскому. И тот, восславив «великую мудрость Божию», прислал вскоре в Ростов каменный гроб для этих мощей, который был установлен «в церкви пресвятыя Богородица»², то есть в Успенском соборе.

Описанные события представлены в первой редакции Жития св. Леонтия, возникновение которой различные исследователи датируют либо 1160-ми – 1170-ми годами, либо второй половиной XII в., либо концом XII – началом XIII в.³ Старейший список указанной редакции относится ко второй половине XIV в.⁴ Как в этом списке, так и в сходном с ним списке конца XIV – начала XV в.⁵ упомянутые события точно не датированы. Не имеют они датировки и во второй редакции того же жития, опубликованной по списку 1428-1429 гг.⁶ В более поздних редакциях жития Леонтия, относящихся к концу XV и XVI вв., время закладки собора и обретения мощей святого отнесено к 1164 г., а освящение храма – к 1170 г.⁷ В Львовской и Тверской летописях представлены иные датировки указанных событий: собор заложили в 1161 г., тогда же обрели мощи Леонтия и освятили храм в 1162 г.⁸ В Никоновской летописи и закладка собора, и обретение мощей отнесены к 1162 г.⁹ Но все эти три летописи относятся лишь к XVI в. В более древних летописях об обретении мощей святого и строительстве первого каменного ростовского собора вообще ничего не говорится.

С.В. Сазонов не без основания допустил, что указанные датированные известия Львовской, Тверской и Никоновской летописей «есть плод творчества более поздних летописцев. Их появление может быть связано с попыткой осмысления на каком-то этапе летописания, сведений тех редакций Жития Леонтия, которые не имеют точных дат»¹⁰. То же самое можно предположить и относительно упомянутых датировок поздних редакций Жития святого. Так или иначе, но ясно одно: ныне невозможно рационально обосновать достоверность ни житийных, ни летописных датировок рассматриваемых событий. У нас есть лишь одна более или менее надежная дата по рассматриваемому вопросу – свидетельство Лаврентьевской летописи о том, что деревянный ростовский Успенский собор сгорел в 1160 г.¹¹ Характерно, что по данным всех вышеприведенных источников строительство собора и обретение мощей св. Леонтия укладываются в одно десятилетие – между 1160 и 1170 гг. Вряд ли эти события могли произойти позже. Поэтому мы не ошибемся, если датировем их просто 1160-ми годами.

Известно, что празднование памяти святого Леонтия было установлено ростовским епископом Иоанном (1190-1213)¹². Как сказано во второй редакции Жития святого, «Иоан же епископ праздновати устави месяца маиа в 23 день»¹³. В данном списке, относящемся к 1428-1429 гг.¹⁴, это событие точно не датировано. В более поздних редакциях Жития конца XV в. оно отнесено к 1190 г.¹⁵, а в Тверском сборнике XVI в. – к 1194 г.¹⁶ Но насколько достоверны эти даты, ныне установить не представляется возможным¹⁷. Поэтому время церковного прославления святого Леонтия надежнее датировать периодом правления упомянутого епископа Иоанна (1190-1213).

Встает вопрос: было ли какое-либо почитание епископа Леонтия в промежутке времени между открытием его мощей (1160-е годы) и официальным прославлением (между 1190 и 1213 гг.), а если было, то в чем выражалось? К сожалению, состояние источников позволяет ответить на этот вопрос лишь предположительно. Казалось бы, концовка древнейшей редакции Жития Леонтия прямо говорит о том, что каменный гроб с мощами святого «и донинд лежить в церкви пресвятыя Богородица, сдевающе преславная чудеса и подавая исцленье с верою

приходящим к пречистой Богородице и к святой раце его в славу Христу, богу нашему»¹⁸. Однако эта фраза, носящая явно этикетный характер, могла быть приписана и позже составления основной части указанной редакции, о чем как будто свидетельствует слово «донинѣ», то есть некоторое время спустя после помещения гроба Леонтия в Успенском соборе. Тем не менее, вряд ли правомерно отрицать возможности возникновения уже в 1160-е годы обычая почитания этого гроба. Если правы те, кто полагает, что древнейшая редакция жития святого возникла до его официального прославления¹⁹, то ее бытование в устной или письменной форме также свидетельствует о почитании Леонтия в то время.

Важным этапом формирования культа святого является создание текстов посвященных ему церковных песнопений. В составе службы св. Леонтию, которая, как предполагают, сложилась не ранее XIV в.²⁰, имеется древний канон, автором которого назван епископ Иоанн. Исследователи не без основания видят в нем иерарха, осуществившего церковное прославление Леонтия на рубеже XII – XIII вв.²¹

Очевидно, тот же епископ Иоанн велел включить память Леонтия в месяцесловы. Во всяком случае, она уже присутствует в месяцеслове, составленном в Ростове в первой четверти XIII в.²²

Значительную часть второй редакции Жития Леонтия, оформившейся, по мнению Г.В. Семенченко, в XIII – начале XIV в. (скорее всего, около 1230 (1231) г.), составляет описание чуда, случившегося, как утверждает автор Жития, вскоре после прославления святого при епископе Иоанне (1190-1213)²³. Анализ этого текста позволяет представить основные составляющие сложившегося культа Леонтия.

Данный текст свидетельствует, что ко времени его написания у раки св. Леонтия регулярно совершались службы, возжигались свечи. По версии Жития, Леонтий, восстав из гроба, как бы сам показывает пример такого служения. Важен и следующий образ Леонтия, запечатленный в тексте: «и виде... святого Леонтия, стояща перед святою трапезою, руке свои горе воздвигше». Именно в такой позе, с воздетыми руками, святой Леонтий изображается на большинстве дошедших до нас икон XV – XVII вв.²⁴ Самые ранние сохранившиеся иконы Леонтия датируются XIV в. Однако логично предположить, что первый образ святого возник не позже официального его прославления при епископе Иоанне (1190-1213), а, возможно, и несколько раньше, – вскоре после открытия его мощей в 1160-е годы²⁵. Вероятно, уже на первой иконе Леонтий был представлен с воздетыми руками, как и на более поздних его изображениях.

В представлении автора Жития и его читателей небесные силы в лице ангелов грозно оберегают культ гроба Леонтия. Они наказывают некоего клирика за намерение погасить свечу у этого гроба – «бысть раслаблен рукама и ногама, глухъ и немъ». Леонтий же выступает в роли заступника перед Богородицею и Христом за несчастного и способствует его исцелению. Важно, что в том же тексте дается нечто вроде указания – как следует поклоняться гробу Леонтия. Сначала надо обратиться к Богородице, а затем, «възведе очи» к упомянутому гробу, «слезно» молить Леонтия, призывая «святого на помощь». Другими словами, житие тогда исполняло и дидактические функции. В том же тексте представлена характеристика Леонтия как святого: «Радуйся, ревнителю святыхъ апостол, искоренителю бѣсовския лъсти. Хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля – Костянтина царя, Киевская земля – Володимера князя, Ростовская земля тебе, великий святителю Леонтие, ублажаетъ, сътворшаго дѣло равно апостоломъ»²⁶. Таким образом, он был причислен к высшей категории святости, то есть получил статус равноапостольного.

По-видимому, в первый период существования культа святого Леонтия он больше почитался как креститель Ростовской земли и в меньшей степени – как целитель недужных.

Данный вывод подтверждается и таким авторитетным источником, как Лаврентьевская летопись. В ней под 1231 г., в рамках большой статьи о свершениях ростовского епископа Кирилла (1231-1262), составленной, как предполагают, около или вскоре после смерти Кирилла в 1262 г.²⁷, указано: «Леонтий убо святой, священный епископъ, ть просвѣти святымъ крещеньемъ градъ Ростовъ»²⁸.

Культ епископа Леонтия был тесно связан с ростовским Успенским собором, Ростовским архиерейским домом и поддерживался ростовскими архиереями. Это и понятно, ведь в указанном соборе хранились мощи святого, а сам собор в организационном плане непосредственно подчинялся архиерейскому дому и архиерею. Свидетельства летописей и других письменных источников позволяют конкретизировать данное утверждение. В 1204 г. обрушился Успенский собор²⁹. Новый каменный одноименный храм был заложен в 1213 г.³⁰ и, как показали археологические исследования, он строился на основании стен разобранного собора 1160-х годов³¹. Возможно, именно в 1213 г. мощи св. Леонтия были перенесены во вновь отстроенную после пожара 1211 г.³² епископскую церковь Иоанна Предтечи. Но документы об этом умалчивают.

Для настоящей темы исключительным значением обладает сообщение Московской Академической и ряда других летописей о том, что 25 февраля 1230 г. «мощи великаго святителя чудотворца епископа Леонтия» были перенесены из церкви «святаго Иоана» в ростовскую соборную церковь³³. Ведь это первое по времени достоверное летописное свидетельство о публичном почитании святого. До 1230 г. в дошедших до нас летописных сводах, возникших ранее XVI в., каких-либо известий о епископе Леонтии и посмертном его почитании не обнаруживается. Надо полагать, сам факт включения данного известия в летопись означает, что к 1230 г. культ Леонтия обрел в представлении современников достаточно высокий статус и получил более или менее определенное оформление.

Для уяснения специфики культа того или иного святого важно представить хотя бы в общих чертах, как выглядело место его упокоения. Иными словами, важно знать, в какой части храма находилась рака святого, что она собой представляла, что над ней или рядом с ней находилось – иконы, свечи и тому подобное. Все эти предметы в совокупности можно назвать надгробным комплексом, так как вместе с гробницей они представляли собой некое смысловое целое, олицетворявшее, в известной мере, культ святого.

Благодаря раскопкам, проведенным в соборе в 1954 г. Н.Н. Ворониным, мы можем в общих чертах представить, где находилось и как выглядело место упокоения св. Леонтия примерно ко времени освящения указанного храма в 1231 г. В частности, Н.Н. Воронин обнаружил массивную белокаменную гробницу святого. Согласно наблюдениям исследователя, плоская двускатная крышка этого саркофага сходна с подобными крышками гробницы епископа Луки (ум. 1189) во владимирском Успенском соборе и гробницы, обнаруженной здесь при строительных работах в северо-западном углу всеволодовой галереи. Следовательно, показание жития Леонтия о присылке гробницы для его останков князем Андреем подтверждается³⁴. Данный саркофаг был расположен в особой арочной нише (аркосолии), устроенной в южной стене южной части алтарного объема. Или, другими словами, того помещения, которое обычно называется дьяконником. Сам Н.Н. Воронин полагал, что им обнаружен аркосолий, сохранившийся от первого каменного Успенского собора 1160-х годов³⁵. Однако недавно, в процессе новых археологических исследований в соборе, это мнение было пересмотрено. Выяснилось, что аркосолий, найденный Н.Н. Ворониным, относится к собору 1213-1231 гг.³⁶ Существовал ли подобный аркосолий в соборе 1160-х годов, неясно. Косвенные данные археологических раскопок позволили А.Е. Леонтьеву допустить такую возможность³⁷. Значит, гробница Леонтия могла находиться у южной стены дьяконника собора 1160-х годов, на что, как будто, указывает и старейшая редакция Жития святого³⁸.

Что же обусловило выбор места для указанной гробницы, насколько он был необычен или, напротив, следовал определенной традиции, наконец, какой смысл видели в этом выборе? Поставленные вопросы заставляют рассмотреть известные предшествовавшие случаи выбора мест для гробниц русских святых. По-видимому, первый такой случай относится к начальному периоду формирования культа первых русских святых Бориса и Глеба. Согласно источникам, возникшим не позднее начала XII в., раки с мощами этих святых были внесены в Вышгороде в некую «клетку» – очевидно, специально для них построенное здание – и поставлены «на десней стране»³⁹. Как видим, ориентация раки во внутреннем пространстве «клетки» четко обозначена. Следовательно, люди того времени вкладывали какое-то особое значение в то, что раки святых находились именно на десной, или на правой, стороне интерьера здания. На «десней» же стороне поставили раки Бориса и Глеба в 1072 г. во вновь

построенном посвященном им храме⁴⁰. Если мы еще можем сомневаться, как относительно сторон света располагались раки святых в упомянутой «клетке», то в храме, ориентированном алтарем на восток, десная, или правая, сторона может быть только южной. В 1091 г. в притворе Успенского собора Киево-Печерского монастыря на «десней» стороне «положиша» мощи св. Феодосия Печерского⁴¹. Опять-таки на десной стороне установили раки Бориса и Глеба в новом вышгородском Борисоглебском соборе в 1115 г.⁴²

Итак, ко времени открытия в 1160-х годах мощей епископа Леонтия уже сложилось некое подобие традиции размещать раки святых на правой или, что то же самое, на южной стороне храма.

Согласно эсхатологическим представлениям средневековья, стороны спасения – восток и юг⁴³. По-видимому, обычай устанавливать раки святых у южной стены храма был обусловлен этими представлениями. Замечательно, что люди Древней Руси, очевидно, следуя Евангелию (Матф. 25:31-34), ассоциировали само понятие «десный» или правый не только с истинностью и праведностью, но и со спасением на Страшном Суде.

Следовательно, выбор правой стороны в пространстве храма для размещения гробницы святого определялся стремлением символически обозначить путь к спасению и то, что он уже пройден данным святым. А это, в свою очередь, обещало молящимся у его гробницы не только спасение на Страшном Суде⁴⁴, но и помощь в реальной жизни.

Итак, в выборе места для раки св. Леонтия у южной стены ростовского Успенского собора обозначилось следование уже сложившейся традиции. Столь же традиционным было и помещение упомянутой раки в аркосолий, использование которого в данном качестве восходит к раннехристианским временам⁴⁵. Но далеко не столь обычным для XII – XIII вв. выглядит размещение раки св. Леонтия в дьяконнике храма, то есть вблизи его алтаря. Как мы помним, мощи св. Феодосия Печерского положили на правой стороне притвора, который обладает гораздо меньшей сакральной значимостью, чем дьяконник. По мнению В.И. Лесючевского, раки Бориса и Глеба также располагались в притворах сменявших друг друга Борисоглебских храмов в Вышгороде⁴⁶. Обосновывая свой вывод, не имеющий прямого подтверждения в источниках, автор указал на существовавшую в то время традицию помещать гробницы в притворах храмов⁴⁷.

К сожалению, мы не знаем всех вариантов размещения раки святых в храмах домонгольской эпохи. Однако на фоне того, что известно, выбор для раки св. Леонтия места в дьяконнике храма кажется для того времени необычным. Необычность заключается, прежде всего, в том, что это наиболее сакрально значимое место в храме после собственно алтаря.

В самом деле, если взять правую, или южную сторону храма, о чем речь шла выше, то сакральная значимость внутренних пространств нарастает от минимальной в юго-западной части (это либо притвор, либо юго-западный угол собственно храма) – до максимальной в юго-восточной (в дьяконнике). Как видим, для местопребывания раки св. Леонтия была избрана наиболее сакрально значимая часть храма (если не считать алтаря). Уже одно это свидетельствует о значительном уровне почитания святого в начальный период существования его культа.

Все вышесказанное свидетельствует, что между 1160-ми годами и 1230-м годом произошло вполне определенное оформление культа св. Леонтия. Для открытых мощей святого по заказу князя Андрея Боголюбского был создан каменный саркофаг. Его разместили в одном из наиболее сакрально значимых мест Успенского собора, чем как бы продемонстрировали необходимость его почитания. У этого саркофага установили свечи и, возможно, икону Леонтия, так образовалось нечто вроде надгробного комплекса. Возникло и Житие святого. Епископ Иоанн осуществил его церковное прославление, составил канон ему и включил его память в месяцесловы. При этом Леонтий получил высший статус святого – равноапостольный.

Встает вопрос: какие социальные группы были причастны к установлению и развитию культа епископа Леонтия в домонгольскую эпоху? Ответить на него позволяет анализ упомянутых

выше житийных и летописных текстов. Как мы помним, официальное прославление св. Леонтия осуществил ростовский епископ Иоанн (1190-1213). Автор Жития поставил рядом два события: приезд в Ростов князя Андрея Боголюбского для поклонения мощам св. Леонтия и установление празднования памяти ему епископом Иоанном⁴⁸. У читателя может создаться впечатление, что князь Андрей инициировал этот последний акт. В действительности же прославление св. Леонтия или, как теперь принято говорить, его канонизация произошла много позже смерти князя Андрея Боголюбского (1157-1174). Получается, что к канонизации св. Леонтия не был причастен ни один из правивших в то время князей. В Житии отсутствуют какие-либо указания на причастность к ней и главы русской церкви – киевского митрополита. Таким образом, решение о прославлении указанного святого епископ Иоанн принял самостоятельно. Конечно, он и последующие ростовские иерархи были лично заинтересованы в развитии культа св. Леонтия, ведь это необыкновенно повышало престиж и их самих, и Ростовской архиерейской кафедры. В какой-то мере эти епископы как бы идентифицировали себя со святым Леонтием⁴⁹.

Надо полагать, к его канонизации имели отношение и клирики ростовского Успенского собора, которые входили в состав Ростовского архиерейского дома, а также, возможно, другие лица, состоявшие на службе у ростовского архиерея. Все вместе, включая ростовского епископа, они составляли то локальное церковное сообщество, которое было особенно заинтересовано в установлении и развитии культа св. Леонтия. Очевидно, епископ Иоанн, канонизируя последнего, в значительной степени выполнил волю данного сообщества. О том, что это именно так, косвенно свидетельствует Житие святого, в котором неоднократно фигурируют клирики Успенского собора – как те, которые действовали при св. Леонтии, так и современники епископа Иоанна.

Однако было еще одно более широкое сообщество, причастное к утверждению культа св. Леонтия. Речь идет о жителях Ростова. Вспомним, что именно «людье», под которыми следует понимать этих последних⁵⁰, инициировали строительство большего по размерам Успенского собора, что и привело к открытию мощей св. Леонтия. По существу, автор Жития честь открытия этой святыни приписывают именно ростовцам.

Согласно многочисленным летописным свидетельствам, жители Ростова периода утверждения культа св. Леонтия обладали необыкновенно развитым региональным самосознанием⁵¹. Они, конечно, хорошо помнили, что Ростов был первым стольным городом Северо-Восточной Руси. Недаром жителей Владимира, тогдашней столицы княжества, ростовцы уничижительно называли своими холопами⁵².

Во второй половине XII – первой трети XIII вв. Ростов, по данным археологии, был самым большим городом Северо-Восточной Руси – в частности, он превосходил по размерам и Суздаль, и Владимир⁵³. Это, очевидно, также способствовало развитию регионального самосознания ростовцев.

В силу того, что распространение христианства в Ростове и его окрестностях началось раньше, чем в других регионах Северо-Восточной Руси, Ростов ко времени утверждения культа св. Леонтия, очевидно, являлся наиболее христианизированным центром названного обширного региона. Более того, для ростовцев, очевидно, было важно, что христианизация Северо-Восточной Руси началась именно с Ростова. Таким образом, епископ Леонтий олицетворял великое прошлое и истоки христианской истории этого города.

Все сказанное свидетельствует, что городское сообщество Ростова второй половины XII – первой трети XIII вв. не меньше, чем Ростовская архиерейская кафедра, было заинтересовано в обретении своего небесного покровителя. И таким покровителем как упомянутой кафедры, так и города в целом стал св. Леонтий.

1. Макарий (Булгаков, митроп.). История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868. Т. 1. С. 329-332; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 3-22; Сергей, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1. С. 314; Голубинский Е.[Е.] История русской церкви. М., 1880. Т. 1. С. 627, 688; Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 70-73; Голубинский Е.[Е.] История канонизации святых в русской церкви. Сергиев-Посад, 1894. С. 37-38; Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество (по современным минеям). Париж, 1951. С. 85-86; Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского» и русско-византийские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. М., 1963. Вып. 23. С. 23-46; Филипповский Г.Ю. Жития Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. Вып. 1. С. 159-161; Семенченко Г.В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 241-254; Ленхофф Г. Канонизация и княжеская власть в Северо-Восточной Руси: культ Леонтия Ростовского // Ярославская старина. Ярославль, 1996. Вып. 3. С. 13-22.
2. Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 250-251.
3. Библиографию по данному вопросу см.: Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 241-250.
4. Там же. С. 250-251.
5. Сказание о Леонтии Ростовском / Текст подгот. Г.Ю. Филипповский // Древнерусские предания. М., 1982. С. 125-126.
6. Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 251-254.
7. Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С предисловием... А.А. Титова. М., 1893. С. 7, 9.
8. ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 233-235; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. Стб. 122.
9. Там же. СПб., 1862. Т. 9. Стб. 230.
10. Сазонов С.В. О датировке ростовского Успенского собора XII в. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991. С. 206.
11. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 333. Ипатьевская летопись относит то же событие к 1161 г. (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 512).
12. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 7; Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 241.
13. Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 253.
14. Там же. С. 254.
15. Там же. С. 246; Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С. 11.
16. ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 281.
17. Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 246.
18. Там же. С. 251.
19. См: Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 241-250. Там же см. библиографию по данному вопросу.
20. Ленхофф Г. Указ. соч. С. 19.
21. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 11; Спасский Ф.Г. Указ. соч. С. 85-86.
22. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI – XIV веков. М., 2001. С. 106.

23. Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 250.
24. Иконография ростовских святых. Каталог выставки / Сост. А.Г. Мельник. Ростов, 1998. С. 16, 17, 18, 19, 20, 25, 26, 28.
25. См.: Пуцко В.Г. Иконописные изображения св. Леонтия Ростовского: Становление традиции // ИКРЗ. 1995. Ростов-Ярославль, 1996. С. 55, 61.
26. Титов А.А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Ярославль, 1892. С. 16; Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 253.
27. Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996. С. 149-150.
28. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 435.
29. ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. Стб. 112.
30. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 416.
31. Воронин Н.Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. Ярославль, 1958. Вып. 1. С. 4-17.
32. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 414.
33. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 485. См. также: ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. Стб. 73; М., 2000. Т. 24. Стб. 92.
34. Воронин Н.Н. Археологические исследования архитектурных памятников. С. 9.
35. Там же. С. 9.
36. Леонтьев А.Е. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе // СРМ. Ростов, 1993. Вып. 5. С. 168-170.
37. Там же. С. 167.
38. Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 251.
39. Лесючевский В.И. Культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. М.; Л., 1946. Т. 8. С. 235.
40. Там же С. 236.
41. ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 203.
42. Там же.
43. Сизов Е.С. Еще раз о трех неизвестных гробницах Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1973. Вып. 1. С. 92.
44. Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 231-232.
45. См.: Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. СПб., 2000. С. 156.
46. Лесючевский В.И. Указ. соч. С. 235-239.
47. Там же. С. 236.
48. Семенченко Г.В. Указ. соч. С. 252-253.
49. См.: Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 435.
50. Словарь древнерусского языка (XI - XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 482.
51. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 330, 331, 333, 353, 354, 355, 358, 359, 360.

52. Там же. С. 359.

53. Леонтьев А.Е. От столицы княжества к уездному городу (Материалы к исторической топографии Ростова X - XIV вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 34-47.